

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРА

21 FEB 1985

г. Москва

ТВ: ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

Звук а лик

В течение часа на наших домашних экранах мы имели возможность пообщаться с Евгением Александровичем Мравинским и внимать божественной игре его оркестра.

Дирижер играл, дирижер молчал, дирижер говорил. Его лик, словно отчеканенный на бронзе, высвечивался изнутри дивными звуками прокофьевской сюиты. Музыка невидимыми красками дорисовывала портрет маэстро. Лик Мравинского скульптурно совершен. Резец природы высек его в пространстве музыки, и они стали неотделимы — воля, взгляд, жест музыканта и звуки музыки, им вызываемые к жизни и в него входящие новым свойством материи.

«Я видел звука лик, — сказал поэт, — лик правды и суровой красоты».

Немногим свойственна такая острота и прозорливость зрения. Мравинский — из числа тех, для кого музыкальный звук материален, ссызает, наделен плотью и душой.

В фильме «Беседы с Мравинским» он играет музыку и размышляет о ней. Но как? С тем трепетом первого прикосновения, который пронзает и тебя, слушателя. Полвека руководит он оркестром Ленинградской филармонии, а общий дирижерский стаж и того больше, но, без всякого скромничанья и подчеркивая это, он замечает, что удач у него очень мало по сравнению с неудачами. Счет, конечно, собственный, исключительно личный, но, по словам маэстро, это результат того метода, который он проводит в жизни и работе.

Он рассказывал о мучительном поиске единственно верной трактовки автора, о бессонных ночах, предшествующих концерту, о материале познания, который надо сфокусировать в очередной странице партитуры, о снах, в которых ему снятся кулисы Мариинского театра и он сам, бродящий где-то в глубине сцены.

Он говорил о музыке стро-

го, просто, целомудренно. И сказал однажды еще так:

— Я считаю величайшим грехом пытаться произносить словами то, что произнесла в исчерпывающей полноте и убедительности музыкальная ткань. Можно было бы и рассказать что-то... А, может, это и не так, как я рассказал бы.

Это он произнес после исполнения части из прокофьевской сюиты «Ромео и Джульетта» «Перед разлукой». Однако добавил:

— Но во всяком случае, если бы звук мог быть словом, то здесь это, как нигде, достигнуто. Слушайте! Имеющий уши — да слышит!

Мравинский говорил о музыке, и она была для него частью природы. Он говорил о хрустальной, немного леденящей чистоте, которая веет из глубины музыкального текста Сибелиуса, об ощущении свежего ветерка в висках, как будто вы идете против ветра. О том, что Шостакович предан музыке на распутье и она его сжигала, потому что он владел одной возможностью выпустить накопления своего познания — путем сочинения музыки. О том, что сам он в тяжелые минуты, общаясь со значительной музыкальной тканью, чувствовал себя под каким-то воздействием волхования музыкального мира произведения и возрождался вновь.

Он говорил с нами, как с самим собой. И в этом заслуга фильма, созданного сценаристом и ведущим А. Золотовым, режиссером С. Чекиным, оператором Г. Рербергом. Большой, несравненный мастер предстал перед нами во всей широте своих интересов, страстей, в работе и в размышлениях о ней.

Это уже десятый фильм из телевизионного цикла «Экрана» о Е. А. Мравинском — драгоценной летописи живого движения нашей культуры.

«Я видел звука лик», — можем мы повторить вслед за поэтом.

Ал. АВДЕЕНКО.